

Масло вместо пушек

На XX съезде маршала Жукова избрали кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС. Так уж повелось, что руководители ключевых ведомств: военного, иностранных дел, государственной безопасности входили в состав высшего политического руководства.

Отцу такая практика казалась не просто неправильной, но и опасной для страны, если помнить о недавних проблемах в связи с устранением Берии. Возникает слишком много соблазнов, да и ведомственные интересы порой довлеют над общественными. Он считал целесообразным разделить функции: политическое руководство принимает решения, а соответствующие министры – исполняют их. Но сломать устоявшуюся структуру оказалось непросто. Пока отцу удалось это только в отношении главы госбезопасности – преемника Берии генерала Ивана Александровича Серова. Его не только не допустили в политическое руководство, но сам статус органов Государственной Безопасности понизили с министерского ранга до Комитета при Совете Министров, формально что-то вроде Комитета по делам религий.

С Министерством обороны и Министерством иностранных дел отец справится только в 1957 году, когда появится решение Президиума ЦК, запрещающее совмещать министерские должности с членством в Президиуме ЦК. Богу – богово, а кесарю – кесарево.

Пока же Жуков уверенно набирал очки. Он доложил съезду, что принятое в августе 1955 года решение о сокращении Вооруженных сил на 640 тысяч человек выполнено

досрочно, а военные расходы уменьшились на десять миллиардов рублей. Жуков даже несколько преуменьшил цифры. За послесталинский период, с 1 января 1953 года по 1 января 1956 года Вооруженные силы СССР сократились с 5.394.038 до 4.277.822 человек, то есть на 1 миллион 116 тысяч 216 военнослужащих.

«Масло вместо пушек» – жизненная концепция отца – обретала реальные очертания.

С Жуковым у отца принципиальных разногласий не возникало. Министр обороны соглашался, что силу армии теперь определяет не количество «штыков», а качество ее вооружения, особенно ядерного. Жуков не только не противился сокращению личного состава, но где-то подталкивал отца.

В мае 1956 года Президиум ЦК решил еще сократить Вооруженные силы, к маю 1957 года отправить на гражданку дополнительно 1 миллион 200 тысяч человек. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР предписывало расформировать шестьдесят три дивизии и отдельные бригады. Ликвидировались некоторые военные училища, отправлялись на консервацию 375 боевых кораблей. Отдельной строкой выделялось сокращение на 30 тысяч человек военной группировки в Германии, в том числе там расформировывались три авиационные дивизии.

Армия встретила свое сокращение со сдержанным ропотом, но альтернатив у отца не было, страна просто не могла и не имела права содержать не сбалансированную с экономикой военную машину. Угроза войны отодвинулась, можно перековывать «мечи на орала».

Последний пункт Постановления предписывал: «...Уволенным из состава Вооруженных Сил военнослужащим предоставить возможность устройства на работу в промышленности и в сельском хозяйстве».

Обустройство увольняемых в запас, как и в предыдущие годы, беспокойства не вызывало, рабочие руки везде в дефиците, а жилье... О специально выделяемом жилье под сокращаемых военнослужащих тогда и не мечтали, солдаты разъезжались по родительским домам, а вот офицеры требовали заботы. Городским и районным администрациям предписали предоставлять им площадь вне очереди, но из собственных, весьма ограниченных, ресурсов. Местные администрации это указание не то чтобы саботировали, но «свои» очередники: учителя, врачи, агрономы для них представляли большую ценность, чем пришлые офицеры, практически бесполезные в новой жизни. К тому же их не так много, они сами найдут себе пристанище. После войны, десять лет назад, демобилизовалось в несколько раз больше народу, никто о них специальной заботы не проявлял, но все как-то приспособились к мирной жизни. Так или примерно так считали в то время, а как получилось на деле, я, право, не знаю. Вернее, знаю очень мало.

Когда в марте 1958 года я поступил в ОКБ-52 Владимира Николаевича Челомея, в нашей лаборатории систем управления крылатыми ракетами в группе механиков работал отставной капитан, бывший командир авиационной эскадрильи. Фамилию его я, к сожалению, забыл. Симпатичный скромный человек, он прилежно выполнял все поручения руководителя группы Михаила Борисовича Корнеева. Поручались же ему задания попроще. Группа механиков работала непосредственно на шефа. Челомей тогда увлекся динамической стабилизацией маятников с помощью принудительных колебаний точки его подвеса. Другими словами, если завибрировать с определенной частотой и силой шарнир, на котором висит маятник, то в маятнике от вибрации набирается дополнительная сила, под действием которой он зависает, хоть вверх ногами, хоть под углом. Такое поведение маятника предопределялось системой уравнений, носящих романтическое имя «Матье», не имеющих ничего общего со знаменитой французской певицей Мирей Матье. Для подтверждения теории практикой механики мастерили маятники. Они послушно зависали в заданном вибрациями положении, а когда тряска кончалась, начинали размеренно раскачиваться, как и полагается маятникам.

Этими маятниками занимался и демобилизованный капитан. На жизнь он не жаловался, хотя платили ему меньше, чем в армии, ютился в комнатухе в подмосковном Реутове, неподалеку от предприятия. О нормальном жилье ракетчики тогда только мечтали. В Москве уже вовсю строили пятиэтажки, но до расположенного в области конструкторского бюро очередь пока не доходила.

Весной 1959 года мы передали морякам для вооружения подводных лодок первую в истории флота крылатую ракету П-5. Стартовала она не с катапульты, как американский «Регулус», а из бочки-контейнера. Не вдаваясь в детали, скажу только, что американцев мы опережали лет на десять – пятнадцать. Разработчиков тогда щедро наградили, кого Ленинской премией, кого орденом и медалью, а «наиболее ценным» бесквартирным работникам нашего ОКБ (так написано в секретном Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 1959 года) выделили весьма скромное жилье, кому комнату, кому квартиру. В список на получение жилья попали и трое механиков из нашей лаборатории. Капитану квартиры не досталось, ему пришлось дожидаться сдачи на вооружение следующей ракеты. К тому времени он полностью адаптировался к гражданской жизни и на разлучившую его с армией судьбу не роптал.

Естественно, что у уволенных с военной службы офицеров судьбы складывались по-разному, одним везло больше, другим – меньше, а кому-то совсем не везло.

В своих выступлениях отец не раз вспоминал демобилизованного майора Ярослава Семеновича Чиж. После армии он, человек инициативный, вернулся домой в Золочевский район Львовской области, сразу подался в колхоз и вскоре начал заводить свинофермой. Через пару лет свиновод Чиж прогремел на всю страну, получил звание Героя Социалистического труда. Однако в глазах большинства демобилизуемых офицеров героем он не стал. Майору, старшему офицеру возиться в хлеву, ходить за свиньями не пристало, такое с их понятием об офицерской чести не вязалось. Другое дело – начальник отдела кадров на заводе или делопроизводитель в домоуправлении, на худой конец преподаватель военного дела в школе. Должности хоть и не очень завидные, но офицера «достойные».

В США я встречал не майоров, а отставников генерал-майоров – фермеров, в том числе и свиноводов. Им и в голову не приходит, что их занятие зазорно. В 1959 году пятизвездочный генерал, по-нашему маршал, Президент США Эйзенхауэр с гордостью демонстрировал отцу выращенных на его семейной ферме бычков. И финский министр иностранных дел Виролайнен в свободное время в охотку работал на ферме в хлеву.